

ТРАДИЦИОННЫМИ стали за последние десять-пятнадцать лет разговоры о том, что театры юного зрителя взрослеют, и весьма быстро. Взросление это не только в том, что на афишах театров, которые привыкли считать детскими и только детскими, появились имена Шекспира, Горького, Шиллера, Мольера. Но и в том — это то наверное, самое главное, — что стал взрослее, серьезнее и глубже сам взгляд театра на своего зрителя, на своих героев. Думается, что один из ярких примеров такого взросления — наш Ленинградский театр юных зрителей.

Вспомним лишь премьеры заканчивающегося сезона: героическая хроника Александра Корнейчука «Гибель эскадры», сказка Джанни Родари «Джельсонино в стране лжецов», фантастическое происшествие Герберта Уэллса «Человек-невидимка», фестиваль-сюрприз «Наш, только наш...», повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» Если даже судить только по приведенным названиям, то нетрудно убедиться в той широте поисков тем и жанров, которые напряженно ведет театр.

Вот один из ярких примеров такого поиска: спектакль, который вызвал да и до сих пор вызывает споры и сомнения, — «Гибель эскадры» А. Корнейчука. Театр обратился к пьесе абсолютно «взрослой», обратился потому, что услышал в ней переключку поколений, почувствовал, что романтически-приподнятый и оптимистически-трагедийный рассказ о событиях более чем полувековой давности может стать близким и интересным сегодняшним школьникам.

Воскрешая подвиг моряков Черноморской эскадры, воспевая поколение бойцов революции, театр рассказывает о людях, совершивших этот подвиг, рассказывает вдумчиво и проникновенно о том, чем и как они жили, как сражались, как искали и находили единственно верный путь, как любили и гибли.

Герои постановки: Оксана — Т. Уржумова, Гайдай — Ю. Каморный, Стрижень — Н. Иванов ненамного старше сидящих в зале. Поначалу это удивляет — мы уже привыкли видеть главных персонажей пьесы А. Корнейчука более зрелыми и взрослыми людьми. Привыкли, а ведь им-то действительно было немножко больше двадцати. И театр убеждает в верности своего решения, убеждает и

искренностью актеров, и суровой скупостью сценического рисунка. А он-таки скуп аскетически. Постановщик З. Корогодский и режиссер Л. Додин решают спектакль в тонах жестких, я бы сказал, жестоких.

Но при этом их благородный замысел — избежать свойственной пьесе некоторой пафосной риторики и внешней романтики — оказывается несколько суховатым при воплощении. Эта некоторая сухость решения сказывается на общем восприятии постановки, в которой

и задержать вражеский десант.

Режиссерская трактовка С. Диманта тяготеет к концертности более, чем другие спектакли театра (разумеется, речь здесь не о «Нашем цирке» и о «Наш, только наш...»). Этому ощущению способствует и освобожденная от деталей сценическая конструкция, и шесть ведущих, да порой и само концертное решение дуэтных сцен Васкова (Г. Вернов) с Комельковой (И. Ушман) или Бричкиной (Г. Мамчистова). Актеры играют повесть взволнованно и темпераментно, но

Однако не всегда равнозначны отдельные элементы спектакля, не всегда точно соразмерены эпизоды, не всегда пародия вызывает нужный и верный отклик зала. Но лучшие номера этого представления, импровизационные по самому духу своему, очень лаконичны и завершены. Если в «Нашем цирке» в полной мере сказались неистощимость выдумки и высокий профессиональный уровень молодых актеров, их способность подмечать забавное и занятное в цирковом искусстве, то в последней работе проявилась и их способность остро критически оценивать некоторые явления эстрадного искусства. Убедиться в верности и успешности этого предприятия нетрудно, побывав на спектакле, увидев и услышав реакцию зала.

Убедиться в том, как режиссерская и актерская выдумка, как постоянно работающая их фантазия неожиданно и умело вмещаются в заданные рамки спектаклей, можно и на двух других постановках театра: «Джельсонино в стране лжецов» и «Человек-невидимка».

Игровая, сказочная стихия «Джельсонино» контрастирует с усложненностью эстетического строя «Человека-невидимки». Уязвима в отдельных эпизодах драматургическая основа этих спектаклей. Но при всех своих различиях, недостатках и достоинствах обе постановки близки между собой.

Их роднит, как роднит и все лучшие спектакли сегодняшнего репертуара, стремление театра вести со зрителем откровенный, сердечный разговор обо всем, что волнует юных, стремление сделать театр школой высоких чувств, школой, в которой продолжалось бы духовное воспитание ребят. Поэтому и ищет театр произведения драматургии не только внешне занимательные и динамичные, но действительно серьезные, проблемные, психологичные.

На пути поиска, как и всегда, бывают удачи и промахи. Не укоряя театр во взрослении, хотелось бы все-таки пожелать, чтобы он более интенсивно и настойчиво работал над спектаклями для самого юного зрителя.

Театр, которому в этом сезоне была вручена высшая награда нашей страны — орден Ленина, расцвете сил. Его любят, в него ходят зрители разных поколений. Ну а кому многое дано, с того много и спросится.

Ю. КРАСНОВ

ДОВЕРИЕ К ЮНОСТИ

бережно сохранены, а в отдельных случаях и усилены лирические ноты произведения. Создатели спектакля стремятся соединить два этих начала, даже не столько соединить, сколько противопоставить их друг другу, подчеркнуть то, что и в самые тяжелые, трагические времена, когда вроде бы могут говорить только пушки, люди так же любят, страдают, печалятся и радуются.

И, наверное, в «Гибели эскадры» можно увидеть своеобразное продолжение тех поисков создания спектакля искренне-романтического и сокровенно-драматического, которые были начаты лучшим, на мой взгляд, и в сегодняшнем репертуаре театра спектаклем «После казни прошу...»

В некоторых аспектах продолжает эти поиски и последняя работа ТЮЗа, посвященная 25-летию победы советского народа над фашистской Германией, — сценическое прочтение повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...»

Прочтение это осуществил режиссер С. Димант. Осуществил, создав спектакль строгий, суровый, лаконичный и эмоциональный. Спектакль, повествующий о героическом подвиге девушек — бойцов зенитно-пулеметного батальона и их командира старшины Васкова, которым было поручено остановить

иногда дают себя знать сентиментальность, мелодраматичность, сказывавшиеся и в драматургической основе.

Лаконизм, строгость, скудость изобразительных средств — эти слова, на первый взгляд, не подходят к другим постановкам ТЮЗа. Ну, право же, о какой, казалось бы, лаконичности может идти речь при разговоре о постановках произведений Л. Родари, Г. Уэллса, о творческой шутке «Наш, только наш...»?

Неудержимая фантазия и пропалачная наблюдательность молодых артистов театра и уличных студии бурным потоком выплеснулись в этом шутиловом фестивале-сюрпризе («спридумал и поставил его З. Корогодский, а с ним были заодно режиссеры Л. Додин, В. Фильштинский»). Молодые исполнители пародируют, иронизируют, высмеивают. Во всем, что они делают, изображая популярных зарубежных певцов и танцоров, есть элементы забавы, откровенной иронии над «звездами» эстрады, над тем, что и как они делают. Но за этой шутиловостью, ироничностью весьма остро стоит одна из важных проблем воспитания молодых — проблема воспитания вкуса, понимания, что истинно и прекрасно в искусстве, а что лишь является подобием его.